

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/87/14

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В БУРЯТИИ ПО САМООЦЕНКАМ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Елена Викторовна Петрова¹, Ирина Доржиевна Ван²

^{1,2} *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Россия*

¹ *elenapet_05@mail.ru*

² *irdon@yandex.ru*

Аннотация. В статье проанализировано расслоение населения Бурятии по самооценкам респондентов, определены условные социальные классы и потребительские возможности опрошенных, построены две модели стратификации применительно к республике. Выявлено несовпадение между тем, к какому социальному классу себя относят респонденты, и тем, что на самом деле они могут себе позволить в плане потребления. Сделан вывод о необходимости повышения уровня и качества жизни населения региона, решения проблем с занятостью и неравенством, принятия мер социальной поддержки низковоходных групп.

Ключевые слова: социальный слой, потребительские возможности, Республика Бурятия, социальная стратификация, адаптационные практики

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

Для цитирования: Петрова Е.В., Ван И.Д. Социальная стратификация в Бурятии по самооценкам ее жителей (на материалах социологического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 144–155. doi: 10.17223/1998863X/87/14

Original article

SOCIAL STRATIFICATION IN BURYATIA BASED ON RESIDENTS' SELF-ASSESSMENTS (EVIDENCE FROM A SOCIOLOGICAL STUDY)

Elena V. Petrova¹, Irina D. Van²

^{1,2} *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *elenapet_05@mail.ru*

² *irdon@yandex.ru*

Abstract. The socio-economic and political transformations in the Russian Federation over recent decades have deepened social differentiation, transformed the social structure, and given rise to new forms of inequality. Consequently, research on social stratification – focusing on the key characteristics, life strategies, and living standards of social groups and classes – has gained significant relevance. This article examines the social stratification of the Republic of Buryatia, based on the results of a sociological study conducted in the region

between 2020 and 2021. The study presents two graphical models of stratification: one based on respondents' self-assessment of their social stratum and the other on their assessment of their consumer capabilities. The population was categorized into low-income, medium-income, and high-income groups, with their characteristics and adaptation strategies analyzed. The income groups are defined as: "poor, needy" (3.9%), "near-poor, vulnerable" (21.8%), "middle-income" (51.3%), "provided" (17.3%), "prosperous, wealthy" (4.5%), and "rich" (1.2%). The corresponding social strata are: "lowest" (1.6%), "low" (2.6%), "below average" (26.3%), "middle" (61.3%), "above average" (7.3%), and "highest" (0.9%). A tendency was revealed for respondents from various income groups and social strata to identify themselves with the middle group. The findings indicate generally positive social sentiments among the republic's residents, who report satisfaction with many aspects of their lives. The article substantiates the necessity of raising the level and quality of life for the region's population, overcoming poverty and social differentiation, and addressing problems of employment and income inequality.

Keywords: Republic of Buryatia, social stratification, adaptation strategies, social stratum, consumer opportunities

Acknowledgments: The research was carried out within the state assignment (project "Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th – 21st Centuries)", No. 121031000243-5).

For citation: Petrova, E.V. & Van, I.D. (2025) Social stratification in Buryatia based on residents' self-assessments (evidence from a sociological study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 144–155. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/14

Постановка проблемы

Серьезные изменения в экономической и общественно-политической жизни страны в последние три десятилетия кардинально повлияли на социальную структуру, привели к углублению социальной дифференциации населения. Поэтому одной из государственных задач по уменьшению социального расслоения является поиск и реализация эффективных механизмов уменьшения бедности, повышения уровня жизни населения, расширения возможностей для вертикальной восходящей мобильности. Актуальными и значимыми становятся исследования социальной стратификации российского общества, которые связаны как с поиском методологических оснований его изучения, так и с необходимостью проведения профессиональных эмпирических изысканий с целью получения репрезентативных результатов. Исследователям необходимо понять, что представляет собой социальная структура российского общества, какие существуют классы, или страты, по каким основаниям происходит социальное расслоение населения, чем обладают социальные группы и как они планируют сохранять свои позиции, в чем состоят их горизонтальные связи и как осуществляется вертикальная мобильность (восходящая или нисходящая). То есть исследования социальной стратификации не только дают возможность выявлять социальные слои, но и составлять некий социальный портрет общества.

Определенный интерес представляют региональные исследования стратификации, результаты которых могут быть применены в практической области, прежде всего при разработке и регулировании социальной политики, направленной на преодоление дифференциации населения, уменьшение его бедности и повышение благосостояния. При анализе стратификации в Республике Бурятия нас интересовало, насколько эти процессы отличаются

от общероссийских тенденций, с чем связана их специфика, какие сложились модели стратификации, что предпринимают представители разных социальных слоев для того, чтобы адаптироваться в условиях современного общества.

Методология исследования

Тема стратификационных исследований в российской социологии стала наиболее востребованной в период реформ 90-х гг. XX в. и продолжает оставаться актуальной в настоящее время. Нарботанный теоретический материал и собранный массив эмпирических данных позволяют проследить динамику расслоения российского общества за 30-летний период трансформации [1–7], а также выявить региональные аспекты стратификации в Бурятии [8–10].

Для полноты картины стратификации общества и ее объективности в дальнейшем исследователи сравнивают результаты, полученные разными методами, нередко изображая их в формате графических моделей [11, 12. С. 64].

В работе рассмотрены две модели стратификации регионального общества – по оценкам респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей. В отличие от доходного распределения, уже проанализированного нами [10], эти модели отражают представления выявленных групп о своем положении в обществе по сравнению с другими, а также оценки того, что они могут позволить себе в материальном плане.

С целью определения региональной специфики мы сравнили построенные модели между собой, с общероссийскими, охарактеризовали выделенные группы и их адаптационные стратегии.

Вопрос анкеты, на основе которого респонденты были сгруппированы по критерию потребительских возможностей: «Скажите, пожалуйста, к какой группе Вы себя относите?». Основываясь на методике ВЦИОМ [13–14], выделили шесть групп: **«бедные, нуждающиеся»** – вариант ответа: *«мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание»*; **«околобедные, уязвимые»** – *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*; **«среднедоходные»** – *«доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит»*; **«обеспеченные»** – *«мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей»*; **«зажиточные, состоятельные»** – *«мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости»*; **«богатые»** – *«ни в чем себе не отказываем»*.

Чтобы измерить субъективный социальный статус, обычно используют порядковую шкалу, которая может быть представлена 9–10 или 5–6–7 наименованиями (слоями, классами) [15. С. 34; 16. С. 18; 17. С. 6; 18. С. 560]. Поэтому для определения условных классов в анкету был включен вопрос: «В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?»: **«высший»**, **«выше среднего»**, **«средний»**, **«ниже среднего»**, **«низший»**, **«самый низший»**.

Вопросы задавались респондентам в ходе социологического исследования, проведенного в 2020–2021 гг. в Бурятии. Разработана районированная многоступенчатая выборка (I ступень – городские округа и муниципальные

районы; II – городские и сельские населенные пункты; III – квоты по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности). На первой и второй ступенях отбора выбор муниципальных районов и населенных пунктов осуществлялся с применением процедуры рандомизации для повышения репрезентативности выборки, уменьшения систематических ошибок и внесения элементов случайности. На последней ступени отбора целенаправленный поиск респондентов велся по заданным квотам, репрезентирующим население Бурятии по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности. Для опроса были привлечены анкетеры, проживающие в разных районах г. Улан-Удэ и населенных пунктах республики. Анкетеры имели возможность вести отбор и опрос респондентов случайным образом по месту жительства, по месту работы респондентов, в торговых центрах, в местах скопления респондентов, исключая своих родственников, тем самым повышая возможность попадания респондентов в выборку случайным образом, но по заданным квотам. Кроме того, корректировалась сфера занятости потенциальных респондентов с генеральной совокупностью. В итоге выборка является микромоделью взрослого населения Бурятии в возрасте 18 лет и старше, что дает нам возможность считать ее репрезентативной. За основу взяты итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Объектом исследования выступал респондент, метод сбора информации – индивидуальное анкетирование. Генеральная совокупность (N) составила 743 724 человека (население в возрасте 18 лет и старше). Опрошено (n) 646 человек (356 человек в г. Улан-Удэ и 290 человек в шести сельских муниципальных районах республики – Еравнинском, Прибайкальском, Иволгинском, Тарбагатайском, Кяхтинском и Хоринском): 52,63% женщин и 47,37% мужчин; 37,31% респондентов со средним общим образованием, 35,6% – со средним профессиональным и 27,09% – с высшим; 66% русских, 30% бурят и 4% представителей других национальностей; 31,89% респондентов в возрасте 18–29 лет; 18,89% – в возрасте 30–39 лет; 16,72% – 40–49 лет; 17,34% – 50–59 лет; 15,16% – 60 лет и старше. При разработке инструментария опирались на апробированные методологические и методические наработки ВЦИОМ, ИС ФНИСЦ РАН.

Результаты исследования

На основе результатов социологического исследования разработали две модели стратификации по самооценкам респондентов. На рис. 1 представлена модель самооценок социального статуса. Для сравнения здесь же размещена общероссийская модель 2018 г. [16. С. 22]. Данные модели можно сравнивать условно, поскольку присутствуют различия в методике: в 2018 г. исследователи Института социологии ФНИСЦ РАН предлагали респондентам в возрасте 18–65 лет оценить свое место в социальной структуре общества по 10-балльной шкале, мы – по 6-балльной шкале на выборке, репрезентирующей все население республики. Но визуально модель по Республике Бурятия коррелирует с данными общероссийской модели – большая часть населения региона относит себя к среднему слою (61,3%), в РФ таких – 47,5%, меньшая – считает себя высшим слоем (8,2%), в РФ – 28,6% или низшим (30,5%), в РФ – 24,7%.

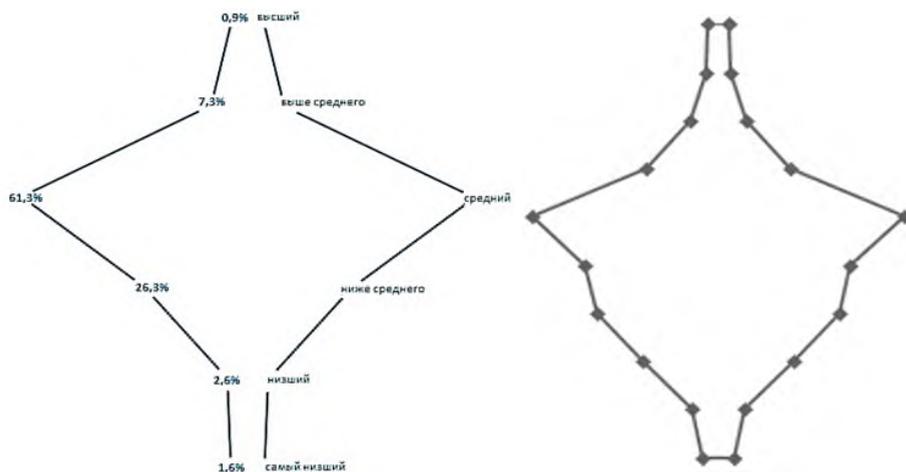

Рис. 1. Модели расслоения по самооценкам социального положения: слева – Республика Бурятия (2020–2021 гг.), справа – общероссийская модель (2018 г.)

Рассмотрим еще одну модель стратификации, которая считается более объективной и достоверной в отличие от предыдущей. Взяв за основу уже существующий апробированный подход, респондентам предлагается оценить уровень своих потребительских возможностей. Если совместить две республиканские модели – модель расслоения на социальные классы (рис. 1) с моделью, представляющей уровень потребительских возможностей респондентов, то можно увидеть некоторое несовпадение между тем, как люди себя ощущают, к какому социальному классу относят, и что на самом деле они могут себе позволить в плане потребления. На рис. 2 модель, характеризующая потребительские возможности, смещена вниз, в то время как модель расслоения на условные социальные классы стремится вверх. Выходит, что респонденты и их семьи в материальном плане могут позволить себе значительно меньше, чем то, как они себя позиционируют.

На рис. 2 мы видим, что и в той и другой моделях расслоения доминирует срединная группа, некий «массовый субъективный средний класс» [17. С. 15] в республике. Хотя модель самооценок потребительских возможностей (прямая линия на рис. 2) свидетельствует о том, что каждый четвертый опрошенный ощущает себя бедным – субъективная бедность («бедные, нуждающиеся» + «околобедные, уязвимые») составила 25,7%. То, что большинство опрошенных по самооценкам считают себя средним классом, в целом совпадает с общероссийской тенденцией, которую отмечают исследователи [16. С. 18. 17].

В Бурятии респонденты из выделенных групп, характеризующих их потребительские возможности, отвечая на вопрос о своем социальном положении, преимущественно выбирают средний слой. Так, больше половины опрошенных из низкодогодной группы (на рис. 2 прямая линия «бедные, нуждающиеся» + «околобедные, уязвимые») относят себя к «среднему» (57%) и 7,62% – к «выше среднего» социальным слоям. Половина представителей «богатых» (50%) и 69% «зажиточных, состоятельных» также отнесли себя к «среднему» слою, а, соответственно, 33 и 21% – к слою «выше среднего». И только 16,7% «богатых» выбрали «высший» слой, в то время как среди «зажиточных, состоятельных» таких вообще не оказалось.

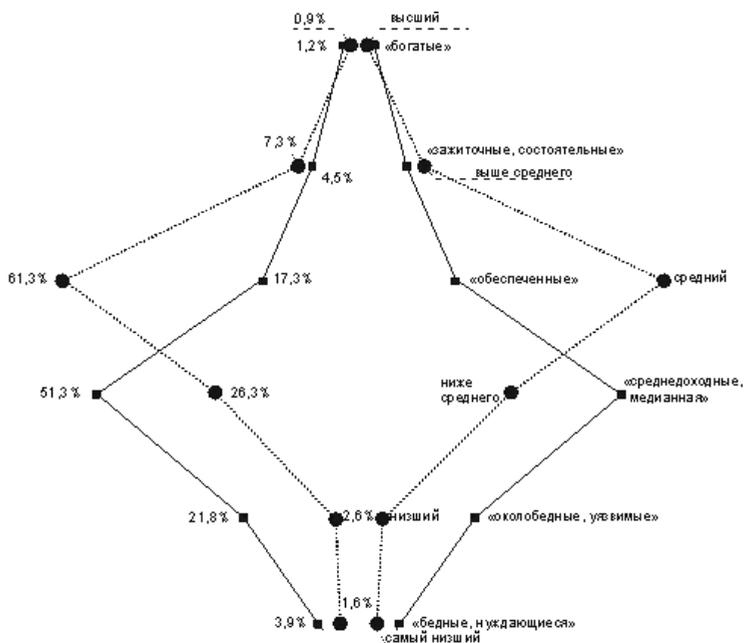

Рис. 2. Совмещенная модель стратификации Бурятии по самооценкам социального положения и потребительских возможностей, 2020–2021: — — что могут себе позволить; ..... — как себя ощущают

В исследовании мы попросили респондентов ответить на вопрос¹ о наиболее близкой им идентичности из предложенных 15 вариантов, среди которых «люди, относящиеся к среднему классу» оказались в целом по выборке на 11-м месте (47,44%), а «люди, относящиеся к малообеспеченным» на 15-м месте (37,36%). На первые места опрошенные поставили «людей моего поколения, возраста» (82,01%), «товарищей по работе, учебе» (77,36%), «жителей моего города, села» (66,51%). Посмотрев, насколько представители выделенных групп или социальных классов соотносят себя со средним классом или малообеспеченными, обнаружили следующую закономерность. Чем выше респонденты находятся в иерархии групп потребительских возможностей или социальных классов, тем чаще они идентифицируют себя со средним классом: из «бедных, нуждающихся» таких 36%, «околобедных, уязвимых» — 44,93%, «среднедоходных» — 48,78%, «обеспеченных» — 46,36%, «зажиточных, состоятельных» — 51,73%, «богатых» — 83%. Соответственно, среди «самого низшего» 20% опрошенных идентифицируют себя со средним классом, «низшего» — 37,5%, «ниже среднего» — 42,5%, «среднего» — 51,75%, «выше среднего» — 50%, «высшего» — 60%.

В то время как считают себя близкими с малообеспеченными представители всех групп и социальных классов, включая высокодоходные: среди

¹ Табличный вопрос: «Как часто Вы чувствуете, что Вам близки люди из этих групп?»: «люди моего поколения, возраста», «товарищи по работе, учебе», «граждане России», «люди моего вероисповедания», «люди того же достатка, что и я», «люди моей национальности», «те, кто добился успеха», «люди той же профессии, что и я», «земляки, уроженцы тех же мест, что и я», «люди, относящиеся к среднему классу», «советские люди», «жители Республики Бурятия», «люди, относящиеся к малообеспеченным», «жители моего города, села», «люди тех же политических взглядов, что и я». Надо было выбрать вариант «всегда», «иногда», «никогда» или «не знаю».

«бедных, нуждающихся» их оказалось 36%, «уязвимых» – 41,3%, «среднедоходных» – 37,12%, «обеспеченных» – 31,82%, «состоятельных» – 41,38%, «богатых» – 50%; соответственно, среди «самого низшего» класса – 20%, «низшего» – 50%, «ниже среднего» – 36,26%, «среднего» – 38,07%, «выше среднего» – 43,18%, «высшего» – 40%.

Стремление респондентов относить себя к «среднему» слою, скорее всего, связано с их желанием не выделяться среди других (в основном для высокодоходных групп), с завышением своего статуса (для низкодоходных групп), общими стратегиями жизни срединных и малообеспеченных групп в республике, позитивным социальным самочувствием. Социальные настроения опрошенных выглядят достаточно оптимистичными, несмотря на невысокие показатели социально-экономического развития республики, низкий уровень среднедушевых доходов и высокие тарифы. Такое противоречие характерно не только для Бурятии, оно соответствует общероссийским тенденциям и коррелирует с результатами исследований ВЦИОМ [19, 20]. Респонденты в нашем исследовании в той или иной степени удовлетворены различными аспектами своей жизнедеятельности, включая «питание» (57,6%), «отношения в семье» (78,5%), «общение с друзьями» (50,4%), «работу» (47,9%), «реализацию в профессии» (47,2%), «жизнь в Бурятии» (39,8%) и др. Чаще всего не удовлетворены «состоянием здоровья» (50%), «статусом в обществе» (57,7%), «жилищными условиями» (62,3%), «наличием денег» (63%).

Что касается идентификации респондентов из высокодоходных групп с малообеспеченными, то можно предположить, что такое поведение продиктовано желанием занизить свое объективно хорошее материальное состояние и высокий социальный статус или сравнением с уровнем жизни еще более обеспеченных групп, на фоне которых свое положение они считают менее благополучным.

Проанализируем основные характеристики шести выделенных групп респондентов по самооценкам потребительских возможностей (на рис. 2 – модель с прямой линией). Исследование показало, что низкодоходные группы («бедные, нуждающиеся» + «околобедные», «уязвимые» = 25,7%) ведут очень скромный образ жизни, продиктованный малыми доходами, невысоким образованием или его отсутствием, закредитованностью и долгами, занятостью преимущественно неквалифицированным трудом или статусом безработных. Среди них много сельских жителей, пенсионеров, безработных, студентов. Представители этих групп используют малоэффективные адаптационные практики (сбор ягод, орехов, охота, увеличение поголовья скота, продажа продукции личного подсобного хозяйства, помощь со стороны родственников).

«Среднедоходная, медианная» группа (51,3%) по своим характеристикам скорее напоминает малообеспеченную, поскольку имеющих доходов ей хватает только на базовые потребности в питании, жилье и одежде. Уровень образования выше, чем в предыдущей группе, и даже есть респонденты с ученой степенью. Группа самая большая и в то же время разнородная, поэтому в ее составе кроме бюджетников также руководители среднего и высшего звена, предприниматели. Для улучшения своего материального положения многие представители этой группы работают на второй работе, занимаются

сетевым бизнесом, получают дополнительное образование, осваивают новые профессии, торгуют продукцией личного подсобного хозяйства.

Большинство «обеспеченных» (17,3%) проживает в городах, это более образованная и более молодая группа (здесь мало пожилых), состоящая из служащих, специалистов, ИТР, квалифицированных рабочих, руководителей, самозанятых. Помимо традиционных адаптационных стратегий, характерных для низкодоходных групп, представители этой группы имеют накопления и ипотечные кредиты, в том числе на недвижимость, которую сдают в аренду.

«Состоятельную» группу (4,5%) кроме высокого дохода отличает финансовая грамотность, благодаря которой ее представители создают накопления, вкладывают в бизнес, недвижимость, ценные бумаги, акции, могут позволить себе инвестиционное страхование жизни.

Среди «богатых» (1,2%) чаще можно встретить руководителей, предпринимателей и самозанятых, которые проживают преимущественно в городах и владеют недвижимостью. Как правило, это люди с высшим образованием и высоким достатком, поэтому половина опрошенных *«ничего не предпринимает для улучшения жизни, так как не нуждается в этом»*.

Анализ влияния национальности на самооценки респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей показал, что оно минимально, но буряты несколько больше выбирали высокодоходные группы, а представители других национальностей – низкодоходные.

Заключение

Рассмотренные две модели стратификации Бурятии по самооценкам респондентов коррелируют с данными по России, что говорит о включенности Бурятии в общероссийские социально-экономические процессы и, соответственно, выраженности на территории республики общероссийских тенденций формирования стратификационных моделей, хотя и с региональной спецификой, связанной с невысокими показателями социально-экономического развития и соответствующим уровнем жизни населения республики. Сравнение характеристик выделенных групп с результатами по России в целом свидетельствует об ограниченных материальных возможностях населения республики, не способного обеспечить себе приемлемый уровень жизни, однако желающего видеть себя в числе среднего класса (срединного слоя), что нашло отражение в региональных моделях стратификации.

Территориальным органом Росстата по Бурятии граница бедности в республике в 2022 г. определена в 14 992 руб. и численность населения с доходами ниже ее – 19%, т.е. почти каждый пятый житель республики. В рейтинге показателей социально-экономического развития субъектов РФ Бурятия также стабильно находится в последней десятке (или двадцатке), и по общероссийским меркам население республики живет весьма скромно [21]. За 2022 г. Бурятия заняла 59-е место по среднему денежному доходу населения. И если в 2015 г. медианный среднедушевой денежный доход в республике был 18 191 руб., то за семь лет (к 2023 г.) стал не намного больше (26 491 руб.), в то время как в Москве увеличился с 43 721 до 73 458 руб. [22]. Поэтому для республики характерны миграционные настроения, особенно среди молодежи, при этом основные траектории смены жительства

связываются с крупными городами Центрального федерального округа, а также теплой климатической зоной Краснодарского края [23–25].

Выявленный региональный «массовый субъективный средний класс» пока не соответствует основным характеристикам среднего класса в его классическом понимании [26, 27] в силу своей разнородности, низкого дохода, закрепитованности, не всегда высокого уровня образования, как правило, отсутствия властного ресурса, множественной занятости, не сложившегося стиля и образа жизни, который позволял бы жить безбедно. Поэтому перспективной стратегической задачей в республике являются мероприятия и меры органов государственной власти, направленные на снижение межрегионального неравенства и транспортной доступности, повышение уровня и качества жизни населения региона и доведение этих показателей до соответствия субъектам, расположенным в первой десятке рейтинга регионов РФ, чтобы «массовый субъективный средний класс» стал реальным средним классом с широким спектром возможностей и ресурсов, а субъективная бедность значительно снизилась.

С приходом новых главы республики (2017 г.) и мэра г. Улан-Удэ (2019 г.) многое стало меняться в лучшую сторону, в регионе проводится большая работа по улучшению жизни граждан. Перевод Бурятии в 2018 г. в Дальневосточный федеральный округ позволил вкладывать ресурсы страны в развитие инфраструктуры республики, субсидировать жителям авиаперелеты по территории России, строить больницы, детские сады, дороги, жилье, что в определенной мере способствовало уменьшению межрегионального неравенства даже в условиях мирового экономического кризиса, западных санкций и COVID-ограничений. Вместе с тем по уровню доходов и заработной плате, бедности и безработицы среди всех субъектов Дальневосточного федерального округа республика остается на последних местах, соответствуя по уровню развития регионам Сибирского федерального округа, находящимся в последней десятке всероссийского рейтинга по качеству жизни.

Список источников

1. *Беляева Л.А.* Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. Вып. 26 (Т. 9, № 3). С. 83–100.
2. *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.* Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32–43.
3. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социально-стратификационные процессы в российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1995. № 4. С. 3–12.
4. *Заславская Т.И.* Стратификация современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 7–15.
5. *Радаев В.В., Шкартан О.И.* Социальная стратификация. М. : Аспект-экспресс, 1996. 237 с.
6. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М. : Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
7. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф : Институт социологии РАН, 2014. 408 с.
8. *Петрова Е.В., Бильтрикова А.В.* Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10 (90). С. 20–24.
9. *Бадараев Д.Д.* Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье : дис. ... д-ра соц. наук. М., 2022. 427 с.
10. *Петрова Е.В., Ван И.Д.* Доходная стратификация в Бурятии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 221–229.

11. *Модель* доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-
страновые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Кара-
вай, Е.Д. Слободенюк ; под ред. Н.Е. Тихоновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.
12. *Социально-стратификационные* процессы в Республике Тыва / отв. ред. З.Т. Голенко-
ва, Ю.В. Голиусова, П.Е. Сушко. Москва ; Кызыл : ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с.
13. *Бедность* отступает, но средний класс по-прежнему в дефиците. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupaet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficizite> (дата обращения: 10.09.2023).
14. *Материальное* положение россиян в 2005–2015 гг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-2005-2015> (дата обращения: 10.01.2024).
15. *Алексеенок А.А.* Специфика самоидентификации среднего класса Центральной России // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121). Вып. 19. С. 32–39.
16. *Тихонова Н.Е.* Модель субъективной стратификации российского общества и ее дина-
мика // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). Январь–июнь. С. 17–29.
17. *Тихонова Н.Е.* Субъективная стратификация российского общества: состояние, дина-
мика, ключевые проблемы: аналитический доклад / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой ; Нац. ис-
след. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 16.01.2023).
18. *Реальная* Россия: социальная стратификация современного российского общества /
М. Тарусин и др. М. : Ин-т общественного проектирования : Эксперт, 2006. 677 с.
19. *Социальное* самочувствие: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring> (дата обращения: 10.12.2023).
20. *Социальное* самочувствие: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-19062023> (дата обращения: 10.02.2024).
21. *Регионы* России. 2023. Рейтинг регионов России по качеству жизни 2022–2023. URL: <https://top-rg.ru/places/110-rejting-regionov.html> (дата обращения: 02.02.2024).
22. *Регионы* России. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022 (дата обращения: 10.02.2024).
23. *Жители* Бурятии массово уезжают на юга. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/189781/> (дата обращения: 24.03.2023).
24. *Жители* Бурятии продолжают бегство на запад России. URL: <https://www.infpol.ru/197089-zhiteli-buryatii-prodolzhayut-begstvo-na-zapad-rossii/> (дата обращения: 04.02.2024).
25. *За 9 месяцев* 2023 года в Бурятии зарегистрирован миграционный отток. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2023/11/17/za-9-mesyace-2023-goda-v-buryatii-zaregistrirovan-migracionnyy-ottok.html> (дата обращения: 02.12.2023).
26. *Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория и реальность. М. : Альфа-М, 2009. 320 с.
27. *Мареева С.В.* У среднего класса появляются возможности расходования бюджета на раз-
витие. URL: <https://rg.ru/2024/02/20/est-li-v-rossii-srednij-klass.html?ysclid=lsyaoojbh0255698672> (дата обращения: 02.12.2023).

References

1. Belyaeva, L.A. (2018) Dokhodnoe neravenstvo v rossiyskom obshchestve: sotsial'nye posledstviya i problemy [Profitable inequality in Russian society: Social consequences and problems]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 26(9/3). pp. 83–100.
2. Bogomolova, T.Yu. & Tapilina, V.S. (2001) Ekonomicheskaya stratifikatsiya naseleniya Rossii v 90-e gody [Economic stratification of the population of Russia in the 1990s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 32–43.
3. Golenkova, Z.T. & Igitkhanyan, E.D. (1995) Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v rossiyskom obshchestve [Social Stratification Processes in Russian Society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 4. pp. 3–12.
4. Zaslavskaya, T.I. (1996) Stratifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Stratification of contemporary Russian society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 7–15.
5. Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social Stratification]. Moscow: Aspekt-ekspres.

6. Tikhonova, N.E. (2007) *Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia: An empirical analysis]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
7. Tikhonova, N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [The Social Structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow: Novyy khronograf, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
8. Petrova, E.V. & Biltrikova, A.V. (2021) *Sotsial'noe neravenstvo v Buryatii v otsenках naseleniya* [Social Inequality in Buryatia as Assessed by the Population]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 10(90). pp. 20–24.
9. Badaraev, D.D. (2022) *Strukturnye i etnokul'turnye osobennosti sotsial'nykh izmeneniy na rossiysko-mongol'skom transgranich'e* [Structural and Ethnocultural Features of Social Changes in the Russian-Mongolian Transboundary Region]. Sociology Dr. Diss. Moscow.
10. Petrova, E.V. & Van, I.D. (2023) Income Stratification in Buryatia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 221–229. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/75/18
11. Tikhonova, N.E. (ed.) (2018) *Model' dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhranovye sravneniya* [The model of income stratification of Russian society: Dynamics, factors, cross-country comparisons]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Golenkova, Z.T., Goliusova, Yu.V. & Sushko, P.E. (eds) (2020) *Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva* [Socio-stratification processes in the Republic of Tyva]. Kyzyl: FNSC RAS.
13. VTsIOM. (n.d.) *Bednost' otpupaet, no sredniy klass po-prezhnemu v defitsite* [Poverty is Receding, but the Middle Class is Still in Short Supply]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otpupaet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-defitsite> (Accessed: 10th September 2023).
14. VTsIOM. (n.d.) *Material'noe polozhenie rossiyan v 2005–2015 gg.* [The Material Situation of Russians in 2005–2015]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-2005-2015> (Accessed: 10th January 2024).
15. Alekseenok, A.A. (2012) Spetsifika samoidentifikatsii srednego klassa Tsentral'noy Rossii [Specificity of Self-Identification of the Middle Class in Central Russia]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2(121/19). pp. 32–39.
16. Tikhonova, N.E. (2018) Model' sub'ektivnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva i ee dinamika [The model of subjective stratification of Russian society and its dynamics]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 1-2(126). pp. 17–29.
17. Tikhonova, N.E. (2021) *Sub'ektivnaya stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva: sostoyanie, dinamika, klyuchevye problemy: analiticheskii doklad* [Subjective stratification of Russian society: State, dynamics, key problems: An analytical report]. Moscow: HSE. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (Accessed: 16th January 2023).
18. Tarusin, M. (ed.) (2006) *Real'naya Rossiya: sotsial'naya stratifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [The Real Russia: The Social Stratification of Modern Russian Society]. Moscow: Institute of Public Design: Ekspert.
19. VTsIOM. (n.d.) *Sotsial'noe samochuvstvie: monitoring* [Social Well-being: Monitoring]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring> (Accessed: 10th December 2023).
20. VTsIOM. (n.d.) *Sotsial'noe samochuvstvie: monitoring* [Social Well-being: Monitoring]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-19062023> (Accessed: 10th December 2024).
21. Top-rf.ru. (n.d.) *Regiony Rossii. 2023. Reyting regionov Rossii po kachestvu zhizni 2022–2023* [Regions of Russia. 2023. Ranking of Russian Regions by Quality of Life 2022–2023]. [Online]. Available from: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html>. (Accessed: 2nd February 2024).
22. GKS.ru. (2023) *Regiony Rossii. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2023]. [Online]. Available from: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022. (Accessed: 10th February 2024)
23. Buerachnaya, E. (2016) *Zhiteli Buryatii massovo uezzhayut na yuga* [Residents of Buryatia are Massively Moving to the South]. [Online]. Available from: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/189781/> (Accessed: 24th March 2023).

24. Ivanov, A. (2019) *Zhiteli Buryatii prodolzhayut begstvo na zapad Rossii* [Residents of Buryatia Continue to Flee to Western Russia]. [Online]. Available from: <https://www.infpol.ru/197089-zhiteli-buryatii-prodolzhayut-begstvo-na-zapad-rossii/> (Accessed: 4th February 2024).

25. МК v Buryatii. (2023) *Za 9 mesyatsev 2023 goda v Buryatii zaregistrirovan migratsionnyy ottok* [Migration Outflow Registered in Buryatia Over 9 Months of 2023]. [Online]. Available from: <https://ulan.mk.ru/social/2023/11/17/za-9-mesyace-2023-goda-v-buryatii-zaregistrirovan-migracionnyy-ottok.html> (Accessed: 2nd December 2023).

26. Tikhonova, N.E. & Mareeva, S.V. (2009) *Sredniy klass: teoriya i real'nost'* [Middle Class: Theory and Reality]. Moscow : Alfa M.

27. Mareeva, S.V. (2023) *U srednego klassa poyavlyayutsya vozmozhnosti raskhodovaniya byudzhetna na razvitie* [The Middle Class is Gaining Opportunities to Spend its Budget on Development]. [Online]. Available from: <https://rg.ru/2024/02/20/est-li-v-rossii-srednij-klass.html?ysclid=lsyaoobjbh0255698672> (Accessed: 2nd December 2023).

Сведения об авторах:

Петрова Е.В. – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Ван И.Д. – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: irdon@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova E.V. – Dr. Sci. (Sociology), docent, leading researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Van I.D. – Cand. Sci. (Sociology), junior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irdon@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.02.2024;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025*

*The article was submitted 26.02.2024;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*